

Бог – истина кривды

ndejra

2018

Любитель пригрозить западному ”рассаднику либерализма и мужеложства” термоядерной расправой, а русскому ”народу-богоносцу” за просмотр легкомысленных фильмов — вообще Апокалипсисом, преподобный отец Всеволод Чаплин написал книгу с очень интересным названием. Она должна называться «Бог. Истина. Кривды. Размышления церковного дипломата» и расставить все точки над і в вопросах отношений с иными конфессиями. В глаза бросается неудачное дизайнерское решение на обложке, которое, с позволения сказать, вызывает совсем иные ассоциации.

Посмотрев на название книги, написанное без знаков препинания, поневоле задаёшься вопросом: что это вдруг с отцом Всеволодом, неужто взялся за ум? Отец Всеволод, конечно, как был, так и остался тем ультраправым мракобесом, каким мы его знаем и любим. Свинью ему подложил дизайнер издательства, который, наверное, и сам не ведает, насколько он прав, столь бесцеремонно обращаясь к нам и потенциальной чаплинской публике: «Бог — истина кривды». Но отставим в сторону этого Чаплина с его книгой и попробуем немного приблизиться к пониманию, почему же для социальной критики и атеизма бог — действительно истина кривды.

У часто цитируемого высказывания Маркса, что религия-де является опиумом народа, своеобразным обезболивающим, помогающим переносить земные лишения, взваленные на него земными же властями, есть ещё и социально-революционный контекст, часто и охотно забываемый вульгарными атеистами и материалистами.

«...религия, — пишет Маркс в знаменитом вступлении к «Критике Гегелевской философии права», — есть самосознание и самочувствование человека, который или ещё не обрёл себя, или уже снова себя потерял. Но человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они — *превратный мир*. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur [вопрос чести], его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и

оправдания. Она претворяет в *фантастическую действительность* человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью. Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *усладой* которого является религия. *Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. (...) Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своём положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*. Критика религии есть, следовательно, в *зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом* которой является религия. (...) *Задача истории*, следовательно, — с тех пор как исчезла *правда потустороннего мира*, — утвердить *правду посюстороннего мира*. (...) Критика неба превращается, таким образом, в критику земли, *критика религии* — в *критику права, критика теологии* — в критику *политики*».

Похожим образом эту идею сформулировал Михаил Бакунин в трактате «Бог и государство»:

«Сведенный в интеллектуальном и моральном, равно как и в материальном, отношении к минимуму человеческого существования, заключенный в условиях своей жизни, как узник в тюрьму без горизонта, без исхода, даже без будущего, если верить экономистам, народ должен был бы иметь чрезвычайно узкую душу и плоский инстинкт буржуа, чтобы не испытывать потребности выйти из этого положения. Но для этого у него есть лишь три средства, из коих два мнимых и одно действительное. Два первых — это кабак и церковь, разврат тела или разврат души. Третье — социальная революция».

Бог, религия вообще, таким образом, есть выражение бесчеловечности, неуютности этого общества. Это социальный иероглиф, выражающий не оправдываемую естественными причинами власть человека над человеком. Это выражение того состояния, когда общество предстаёт перед людьми как чуждая и репрессивная инстанция.

Собственно, это и есть причина неискоренимости религиозного чувства. Его нельзя запретить декретом, его нельзя опровергнуть, указав на логические противоречия в догматах или преимущество, например, авраамических религий от более древних культов. Его нельзя даже упразднить посредством физического уничтожения верующих. Это было наглядно продемонстрировано большевистскими репрессиями против Русской Православной Церкви после того, как она стала всё более открыто поддерживать белогвардейцев. Мало того, что марксизм-ленинизм сам выродился в закостенелый догматизм с соответствующими псевдорелигиозными ритуалами и регалиями, большевики же эту церковь и возродили, когда она показалась им нужной

для собственных целей. Обширные празднования якобы тысячелетия церкви в 1988 году можно вполне считать её триумфом над непрекращающейся атеистической пропагандой в СССР.

Можно радоваться снижению популярности традиционных христианских церквей Европы или смеяться над незнанием новомодными «православными» основных догматов их собственной веры. Только это не доказывает решительно ничего, ибо не учитывает ни экспансии разнообразных восточных, эзотерических, более комфортных и привлекательных культов на освободившихся нишах рынка религиозных услуг; ни того, что с детства воспитанные в католицизме люди часто описывают свою веру как «чувство, что что-то такое есть»; ни того, что православные могут вполне верить в астрологию, хиромантию, летающие тарелки или длящийся до наших дней заговор египетских жрецов; ни расцвета опять-таки новомодного фундаменталистского ислама.

Добавьте к этому суеверия любителей спорта и игроков на бирже, псевдорелигиозные культы вокруг поп-звёзд, спортсменов и политиков; добавьте такую рационально необъяснимую, но функционально необходимую гражданам любого государства секулярную религию, как национализм; добавьте самое главное — такую основную ритуальную и повседневную практику, как накопление **стоимости** в процессе обмена **товарами** («чувственно-сверхчувственными вещами») при посредничестве **денег**, этого материального выражения общественного синтеза отчуждённых, фетишистских отношений между людьми, и вам станет хотя бы приблизительно ясно, в какой мере эпоха рационализма и Просвещения, начатая европейской буржуазией, непрерывно порождает иррациональный мрак.

Мы вынуждены признать, что молодые отцы-основатели «научного социализма» были более верными сыновьями буржуазной среды, чем им самим казалось, когда они писали в своём «Манифесте» в 1848-м году:

«Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения».

Там, где Рамзан Кадыров утверждает, что деньги ему поступают напрямую от Аллаха, его верная подруга и соратница по мракобесию Юлия Латынина наверняка загнёт что-нибудь о вездесущей и сильной, подобно гравитации, «невидимой руке рынка». Каверзный вопрос для верующих звучит сегодня не «Может ли всемогущий Господь создать камень настолько тяжёлый, что будет не в силах сам его поднять?», а «Сможет ли капиталистическое общество завести само себя в настолько глубокий кризис, что не сможет самостоятельно из него выйти?»

Религия с самого начала, с самых её примитивных форм была заражена рациональностью. Присущий человеку мыслительный потенциал, собственно, и является

её источником. Поиски адекватного ответа на вопросы безопасности, стремление контролировать или хотя бы предсказывать враждебную окружающую среду, попытки человеческой мысли совладать с абсурдностью смерти, осознаваемой человеком острее, чем другими высшими млекопитающими, — с самых тёмных начал человеческого общества рациональность просвещения и иррациональность религиозного культа были неразделимы. Этим объясняется фанатичная ярость мракобесов и хранителей культа во все времена, с которой они всегда реагировали на обособление и высвобождение мысли из рамок культа. Просвещение, как писали Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в «Диалектике Просвещения», тоталитарно, семена его заложены в мифах и религиозных догмах.

«Боги не могут взять на себя страх человека, окаменевшие звуки которого они носят в качестве своих имен. От страха, мнится ему, будет он избавлен только тогда, когда более уже не будет существовать ничего неведомого. Этим определяется путь демифологизации Просвещения, отождествляющего одушевленное с неодушевленным точно так же, как мифом отождествлялось неодушевленное с одушевленным. Просвещение есть ставший радикальным мифологический страх. Чистая имманентность позитивизма, его последний продукт, есть не что иное, как его, если можно так выразиться, универсальное табу. Недопустимо, чтобы вообще что-либо еще существовало вовне, ибо одно только представление о “вовне” как таковом является подлинным источником страха. (...) Любой духовный отпор, встречаемый им, лишь умножает его мощь. Это происходит от того, что Просвещение вновь все еще распознает себя самое даже в мифах. К каким бы мифам ни апеллировало оказываемое ему сопротивление, уже в силу того, что в подобном противостоянии они становятся аргументами, теми, кто оказывает сопротивление, признается принцип разлагающей рациональности, который они ставят в упрек Просвещению».

Как бы ни хотелось отцу Чаплину просто и по-хайдеггеровски слиться с Абсолютом неживой материи в процессе атомной войны с либерально-содомитским Западом, но писать книги, следующие параметрам логической аргументации, приходится и ему, и его либеральному оппоненту в лоне церкви — отцу Кураеву. Самому ополоумевшему джихадисту приходится в какой-то момент хотя бы декларативно, но внятно объяснить окружающим свой бунт против жизни и разума. По этой причине чувства верующих оскорблены постоянно и бесповоротно, всегда и повсюду.

Но то же самое Просвещение, однажды отказавшись отрефлексировать собственный постулат «знание=сила», свои собственные установки на покорение природы, обращается против самого человека как части этой природы. Современное общество предстаёт перед индивидами не только как неподконтрольная им, контролирующая их тотальность, но и как «вторая природа». Та картина буржуазного общества, которую спроецировал Дарвин в так называемые «законы» естественного отбора в природе, была на ура воспринята его благодарными учениками и перекрещено в так называемый «социал-дарвинизм». Просвещение слепнет и порождает новый

жестокий Миф позитивистского сциентизма, не чурающийся человеческих жертвоприношений. Просвещение, иначе говоря, снова обращается в религиозный культ и упраздняет свой фундамент — мысль. Буржуазные революционеры Франции, видимо, решили продемонстрировать потомкам эту диалектику на деле и укрепили свою практическую борьбу с христианством празднованием «Culte de la Raison», ритуализированного культа разума.

«Редукция мышления к математическому аппарату включает в себя применение принудительных санкций по отношению к миру в качестве его собственного мерила. То, что кажется триумфом субъективной рациональности, подчинение всего сущего логическому формализму, покупается ценой покорного подчинения разума непосредственно данному. Стремление постичь существующее как таковое, маркировать в данностях опыта не просто их абстрактные пространственно-временные соотношения, при помощи которых их затем можно было бы надежно упаковать, но мыслить их как нечто поверхностное, как подлежащие опосредованию моменты понятия, своего наполнения достигающие лишь в ходе развития их общественного, исторического, человеческого смысла – все, на что притязает познание, отбрасывается прочь. (...) Фактическое доказывает свою правоту, познание ограничивается неизменным повторением себя же самого, мысль превращается в чистую тавтологию. Чем в большей степени подчиняет себе машинерия мышления сущее, тем большей становится ее слепота при его воспроизведении. Тем самым Просвещение отбрасывается вспять, в мифологию, от которой ему так никогда и не удалось ускользнуть. Ибо мифология в своих фигурах отображает эссенциальность существующего – цикличность, роковую неизбежность, господство мира – как истину и отказывает в надежде. Выразительностью мифологического образа, равно как и ясностью научной формулы удостоверяется извечность фактически наличного, а просто существующее выражается в качестве смысла, блокируемого им. Мир как гигантское аналитическое суждение, единственное, что еще остается ото всех грез науки, есть явление того же пошиба, что и космический миф, связывавший смену весны и осени с похищением Персефоны. (...) С развитием городского товарного хозяйства сумрачный горизонт мифа озаряется солнцем калькулирующего разума, под чьими леденящими лучами вызревают всходы нового варварства». (Хоркхаймер / Адорно, «Диалектика Просвещения»)

А поскольку товар сам себя, как известно, на рынок не отнесёт и по собственному разумению на такое же содержание ценности не обменяет, ему нужен «носитель», хозяин, отлично понимающий его чувства и чаяния. Этот феномен повседневной человеческой практики можно адекватно описать лишь так, как это сделал Маркс в «Капитале» — как абсурдный:

«Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т. е. взять их. Чтобы

данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — всё равно закреплён ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением. Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы». (ii)

Рассудок, интеллект буржуазного общества, постоянно движется, таким образом, от спиритизма до сциентизма и обратно и не может иначе. Альфа и омега его схематичного мышления — либо симпатическая магия, либо лишённая временной составляющей, хвалёная формальная логика ($A=A$), суррогат настоящего мышления. Основания правдивости формальной логики, равно как и «годность» денег, не выявляются рациональной мыслью, что нисколько не мешает их повседневному использованию. Это навязчиво-невротическое различие между потребительской и обменной стоимостью, лежащее в основе любой мыслительной процедуры вменяемого члена капиталистического общества, в то время как действующий в формальной логике закон исключённого третьего делает принципиально невозможным их понимание как единого негативного целого, синтетического выражения общественных отношений. Иными словами, тот, кто усвоил и впитал формальную логику, может смело поздравить себя и похлопать по плечу — он полностью перенял мыслительные функции товара.

4. Такая вполне себе реальная и действующая в рамках мирового общества «метафизика», постижимая только при помощи мысли разница между сущностью и её проявлением, разумеется, никогда не интересовала позитивистов, любителей примитивной логики, которых противостоящие реакции люди часто ошибочно считают союзниками и «просветителями». Я о так называемом «неоатеизме». Сциентистская борьба с «нелогичностью» всего лишь прикрывает борьбу с тем, что отказывается беспомощно соглашаться с существующим порядком вещей, тем, что нельзя ухватить, квантифицировать и подчинить стоимостной логике. «Неоатеизм», не имея в своём инструментарии хоть какого-либо материалистического представления об обществе, не моргнув и глазом, падает на уровень французского материализма XVIII столетия, что зачастую открыто и гордо постулируется его представителями. Борьба с формально нелогичной, но содержательно верной мыслью — именно этим, среди прочего, и является религиозное чувство — выливается в упразднение мысли при помощи научного авторитета.

Публика, приветствовавшая Ричарда Докинза в 2017 году в Петербурге как рок-звезду, должна знать своих героев. Но обобщим вкратце все успехи научного оглупления: «материалистическая» теория мемов, которая должна была объяснить и квантифицировать мыслительные процессы и, last but not least, сведение религии к

логической ошибке в мышлении. Существование мемов, конкурирующих между собой за жизненное пространство в мозговых клетках человечества, столь же мало доказуемо, как и существование некоего бога. Разговоры о том, что религия возникла из-за того, что кто-то, дескать, недостаточно обмыслил происходящее с ним, приводят только к выводу, что некий древний жрец, «выдумавший» свой религиозный культ, был умнее большинства живущих ныне на планете людей. Конечно, за исключением людей, прочитавших «Бог как иллюзия» и ставших умнее суеверного большинства, что, должно быть, тешит их самолюбие не менее, чем в случае, например, с адептами Елены Блавацкой, заглянувшими за кулисы вещественного мира. Пусть автор — биолог, не могущий объяснить эволюцию видов иначе, чем проецированием на неё общественной, «второй природы» — механизмов рынка и конкуренции. Главное, что учёный.

Другой известный неоатеист, французский философ Мишель Онфре, занял позицию ещё более откровенной аффирмации существующего порядка вещей. В вышедшей в 2005 году книге «*Traité d'athéologie. Physique de la métaphysique*» он высказывает мысль, что не удручающее общественное устройство порождает недовольство и потребность в религиозном чувстве, а наоборот — религиозные байки о лучшей доле не дают людям смириться с условиями своего существования. Такой вот материализм, стремительно переходящий на сторону идеализма, такая вот садистская философия гедонизма. Насколько осознанно Онфре, потихоньку перемещающийся в плане своих политических предпочтений с «постанархистских» позиций к позициям «новых правых», постулирует эту мажорную реакцию, особенной роли не играет: устами аффимирующего теоретика, как мы видели, глаголет закон стоимости. (iii)

Дабы продемонстрировать враждебность «неоатеизма» мышлению и жизни вообще, обратимся к известному российскому «поповеду» и последнему из живущих универсальных учёных, Александру Невзорову. Помимо весьма занимательной полемики против корпорации РПЦ, ни какой-то эпистемологии, ни каких-то существенных научных наработок Александр Глебович предложить не может.

Невзоров, например, о депрессиях в 2015 году:

«...по причине физиологической проблемы у человека могут возникнуть те или иные угнетённые состояния, естественные для всякого животного. Вот и все. Избавляя человека от физиологической проблемы, мы избавляем его от угнетённого состояния, само это состояние не имеет к этому никакого отношения. Эта та ситуация, когда вдруг почему-то надстройке передали роль чего-то определяющего».

А вот в 2018-м:

«...я как бы понимаю, что депрессия — вещь абсолютно надуманная, это как раз из области так называемой психологии. ...и моя, и ваша центральные нервные системы предназначены для испытаний, в миллионы раз превышающих любые испытания, которые может предложить вам современная городская жизнь, политика или так называемая культура. Но депрессии появились, как только появилось слово».

Аргументация на уровне «до изобретения микроскопа бактерий не было», и, по традиции, ни слова об общественном контексте психофизиологических явлений.

В 2014 году научное сообщество обнаружило множество ошибок в его работе «Происхождение личности и интеллекта человека». Разумеется, ни происхождения, ни сущности интеллекта и человеческой личности Невзоров объяснить не смог, ибо принципиально не имеет ни их определения, ни такого понятия, как общество, в своей «строго научной» картине мира. Мышление, как он объяснил позднее для людей далёких от науки, есть рефлекс, т.е. отражение. Такой химически чистый цинизм:

«В результате павловцам удалось доказать, что никакой принципиальной разницы меж сложной деятельностью животных и человека не существует. Механизм условного рефлекса (основы разума) идентичен. (...) Стало окончательно ясно, что уникальных свойств, которые бы отличали мозг человека от мозга животного, не существует».

Скорее, это уже встречавшийся нам механистический материализм французской школы XVIII века. В этом Александр Глебович ближе заскоружлому марксизму-ленинизму, чем ему кажется. Большевики в 1928-м основали Институт изучения мозга при Академии медицинских наук, одной из задач которого было исследование мозга и определение причин гениальности В.И. Ленина, ведь, как априорно понятно всем приверженцам механистического материализма, посредством секционирования головного мозга можно легко квантифицировать мысль, индивидуальность, гениальность как таковую. В той или иной форме она должна быть материальной: может быть, как электрический разряд, или как определённый набор синапсов, а может быть, и как «мем», всё едино.

Эти феномены и правда материальны. Они — материальные продукты вполне материального человеческого общества, их нельзя «ухватить пинцетом», исследуя поведение стаи приматов. Но действительно материалистического, исторического понятия общества у так называемых «материалистов» или «неоатеистов» попросту нет. Голландский рэтекоммунист Антон Паннекук в 1938 году, кстати, не только популярно показал различия между буржуазным и диалектическим материализмом (это, не в последнюю очередь, аспект общественности и, соответственно, позиция исследователя или науки в процессе исследования; а у Александра Глебовича homo и 12 тысяч лет назад был тем же самым homo: это то самое отсутствие временной компоненты в аналогиях, которое нам уже не раз встречалось) и причины впадения буржуазии в мистицизм самых различных сортов, но и доказал, что Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» остаётся на уровне механистического буржуазного материализма:

«Ленинское согласие с материализмом среднего класса и, соответственно, его расхождение с историческим материализмом имеет множество последствий. Первый боролся в первую очередь с религией, а главная претензия Ленина к Маху и его последователям заключается в том, что они поддерживают фидеизм. Это понятие уже встречалось нам в нескольких

цитатах; сотни раз в своей книге Ленин называет фидеизм противоположностью материализма. Маркс и Энгельс не были знакомы с фидеизмом, они проводили границу между материализмом и идеализмом. Понятие фидеизма подразумевает в первую очередь религию. (...) Противопоставление религии и рассудка – это реминисценция из до-марксистских времён, времён эмансипации среднего класса, воззвание к ‘рассудку’ в целях атаки на религиозную веру как самого главного врага в общественной борьбе, когда ‘свободомыслие’ противопоставлялось ‘обскурантизму’. Ленин, постоянно указывая на фидеизм как на порождение враждебных ему идей, даёт нам понять, что религия является для него наиглавнейшим врагом в мире идей». (Anton Pannekoek, «Lenin as philosopher»)

Паннекук, однако, руководствуясь методом исторического материализма, ещё и показывает, что в тогдашней России иному пониманию материалистической философии взяться было неоткуда, да и большевистская революция была, по сути, буржуазной. Из «Манифеста современного атеизма» и других статей в книге «Отставка господ бога» (2015) можно вычитать, что Александр Глебович тоже ожидает крушения российского режима и начала чего-то вроде буржуазной революции. Между строк вычитывается, что случиться она должна сама по себе, всё это и объясняет бунтовщицкую посредственность нашего «пирата». В общем, какая страна, такие и ричарды докинзы. Осталось только похвалить в ближайших «Невзоровских средах» ленинскую теорию отражений.

Принципиальная враждебность к критической утопии общества, не обезображенного и более не нуждающегося в обезображивании, аффирмация существующего порядка как «второй природы», безусловное принятие соответствующих движению капитала мыслительных форм — это тот самый случай, когда «подчинение всего сущего логическому формализму, покупается ценой покорного подчинения разума непосредственно данному» (Хоркхаймер / Адорно). Естественная форма сознания капиталистического субъекта — это антисемитизм, попытка персонализации разрушительных, антисоциальных тенденций капиталистического общества (iv). Я ни в коем случае не утверждаю, что ведущие теоретики неоатеизма в открытую насаждают антисемитизм. Они скорее, отучая свою публику от фундаментальной критики общества, нисколько не мешают его воспроизводству. От уничижительного обозначения Библии Невзоровым как «еврейских сказок» до практически стандартного среди его поклонников «евреи подсунули нам рабскую религию» — один шаг. Желаящие могут убедиться в этом в любой группе «атеистов» или «критиков религии» в сетях ВКонтакте, Facebook и т.п.

6. Итак, какое же дело нам до всего этого? Разнообразные религиозные культы всё ещё продолжают диктовать образ жизни и мысли для множества людей на большей части нашей планеты. Они не только служат верным источником легитимации мирской власти и эксплуатации, они сами своим существованием выражают ту фундаментальную истину, что человек на земле не свободен. Бог — это шифр несвободы человека. Именно поэтому нам интересна, например, теология как самая ранняя доступная нам попытка осмысления обществом своих основ и своего положения

в мире. И, как говорил марксистский безбожник Эрнст Блох, в религии есть одна положительная черта — она порождает еретиков. Сам Блох однажды в книге «Атеизм в христианстве» прекрасно продемонстрировал, как коммунист и атеист может читать Библию, выискивая и высвобождая из неё актуальную по сей день историю социальных конфликтов. Крестьянские войны, конечно, в такой форме, в какой они происходили, больше не повторятся; не стоит и полагаться на то, что после краха Гундяевской РПЦ лево-либеральное крыло этой церкви сможет развить нечто вроде новой теологии освобождения с соответствующей практикой. Но верующие люди в ближайшее время никуда не денутся, они будут вынуждены участвовать со своими специфическими интересами в социальных конфликтах настоящего и будущего. Вопрос, на стороне эмансипации или реакции — не обязательно (и даже совсем не) вопрос конфессии. В европейском протестантстве есть, к примеру, феминистская теология, так называемый мусульманский феминизм набирает силу и в исламском мире. И я предлагаю отнестись к нему серьёзно, это не тот реакционный псевдофеминизм («hijab is empowerment»), исповедуемый европейскими и американскими постмодернистскими «левыми». Если женщинам Азии и Африки удастся отвоевать у патриархата такой действенный инструмент, как ислам, и воспользоваться им в целях женской эмансипации, я скажу только: «Да ради Бога!»

Но если подойти к вопросу с другой стороны: может ли быть религия, некий культ или «просто» некое религиозное чувство если не помощником, то хотя бы опорой в борьбе за справедливое устройство мира? В силу своей амбивалентности религия может поддерживать как революционные, так и реакционные тенденции, происхождение которых самой религией, как уже было сказано, не обосновывается. Опять-таки, если человеку необходим некий внутренний стержень или некая дисциплинирующая его сила (будь то внутреннее *сверх-Я*, принимающее форму религиозного авторитета, или внешний контроль со стороны коллектива единоверцев), это говорит лишь об авторитарном характере «революционера». Если религия нужна как свод неких «антиавторитарных» и «антикапиталистических» правил поведения — проблема в целом та же. Лет десять-двенадцать назад небезызвестный в левых кругах Илья Кормильцев с несколькими соратниками не только принял ислам (это, разумеется, только его личный выбор), но и некоторое время агитировал за ислам как за практически готовую антикапиталистическую программу. Это ещё и лакмусовый тест на способность к материалистической критике общества. Якобы запрещённые по шариатским законам проценты на ссуды и кредиты взимаются в скрытой форме, католицизм тоже когда-то запрещал ростовщичество, но когда возникла объективная потребность в общирном кредитовании, эту обязанность христиане перепоручили евреям — чтобы впоследствии сделать их козлами отпущения за деструктивные моменты капиталистического обобществления. (А это и было началом современного антисемитизма.) Я сожалею, но категории капитала сильнее Аллаха и любого морализаторства. Соратник Кормильцева и ученик Гейдара Джемаля, ныне известный специалист по наследству Карла Маркса, Алексей Цветков говорил об этом лет десять назад так:

«На всех уровнях: политическом, культурном, личном — Ислам становится таким же языком несогласных, каким был коммунизм в ушедшем веке.

А исламофобия сегодня – такая же гнусность и играет ту же роль, как и антисемитизм в прошлом веке. И в третьем мире, и в Лондоне, где в антиглобалистских маршах участвуют тысячи мусульман, и даже в США, где Ислам преимущественно негритянский, единобожие – пароль сопротивления. Лидер «Нации Ислама» – Фаррахан, единственный в Штатах, кто прямо требовал отставки Буша и немедленного прекращения иракской войны. Сорок лет назад многие западные интеллектуалы обращались к Буддизму, потому что эту религию исповедовали во Вьетнаме, зоне прямого сопротивления империализму. Сегодня нечто похожее повторяется с обращением неконформистов всего мира к Корану».

Кроме позитивного отсыла к лидеру открыто антисемитской «Nation of Islam» Луису Фаррахану, налицо просто конформистская потребность в бунтарской, неконформистской идентичности — широко распространённое заболевание среди постмодернистских левых. Сегодня какой-нибудь испанский сталинист из солидарности с «Новороссией» мог бы податься в православие. Такой вот антиглобализм, да другого тогда и не было. Какого мнения Алексей придерживается по вопросам веры и антикапитализма сейчас, после многолетнего углублённого изучения «Критики политической экономии», нам не известно. Надеюсь, что мы скоро это узнаем и вернёмся к более подробному рассмотрению некоторых фрагментарно обозначенных тут проблем.

Примечания:

i) По выражению Блеза Паскаля, стоит только встать на колени и начать шевелить губами под молитву, а вера придёт потом сама.

ii) И чем дальше, тем абсурдней: «Прирождённый уравниватель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделён наружностью, ещё менее привлекательной, чем у Мариторнес. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами».

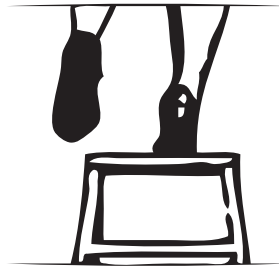
iii) Немного подробнее о, с позволения сказать, борьбе «неоатеизма» с религией: Лео Эльзер, «Религия и рессентимент. О совершенно неразумном изгнании трансцендентности»

iv) Известный американский марксист Моше Постоун пишет в эссе «Anti-semitism and National Socialism» о конституции этой персонализации из товарного фетишизма:

«Эти размышления приводят нас к Марксовой концепции фетиша, стратегической целью которой было предоставить общественную и историческую теорию, основанную на различиях между сущностью капиталистических общественных отношений и формами их проявления. В основании концепции фетишизма лежит Марксов анализ стоимости, денег и капитала не столько как экономических отношений, но скорее как особенных общественных отношений, сущностно характеризующих капитализм. В

его анализе капиталистические формы общественных отношений не проявляются как таковые, а лишь проявляются в объективированной форме. Труд в капитализме является не только общественной, продуктивной деятельностью ('конкретный труд'), но и служит посредником как важнейшее общественное отношение ('абстрактный труд'). Поэтому его продукт, стоимость, не является просто продуктом, в котором объективируется конкретный труд: это – также форма объективированных общественных отношений. В капитализме продукт не подлежит прямому опосредованию посредством общественных отношений и власти. Стоимость как объективация обоих измерений труда при капитализме служит своим собственным опосредованием. Посему она обладает 'двойственным характером': потребительской стоимостью и (обменной) стоимостью. Как объект стоимость выражает общественные отношения, не имеющие иных, 'независимых' форм проявления. Образ объективации общественных отношений есть их отчуждение. Основные общественные отношения развивают в капитализме свою собственную псевдо-объективную жизнь. Они составляют 'вторую природу', систему абстрактной власти и принуждения, которая хотя и является общественной, но не имеет субъекта и является объективной. Такие отношения кажутся природными, но совершенно не социальными. (...) Марксовы категории одновременно выражают особенные общественные отношения и формы мысли. Понятие фетишизма отсылает к формам мышления, основанных на восприятии, привязанных к формам проявления капиталистических отношений. Если мы обратимся к специфическим характеристикам власти, приписываемым евреям современным антисемитизмом (абстракция, неуловимость, универсализм, подвижность), в глаза бросается, что все они являются характеристиками стоимости в описанных Марксом общественных формах».

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

ndeja
Бог – истина кривды
2018

Скопировано 19.10.2024 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=1781>
Также доступно по ссылкам:
<https://www.nihilist.li/2018/10/30/bog-istina-krivdy-chast-pervaja/> и
<https://www.nihilist.li/2018/11/19/bog-istina-krivdy-chast-vtoraja/>

ru.anarchistlibraries.net